Текст · 21 сентября 2023, 12:39
Ольга Ромашова,

Нет у мобилизации конца. Военные и их семьи весь год обращались к властям за помощью — вот что они рассказывают теперь

21 сентября Владимир Путин объявил о начале «частичной» мобилизации. Он уверял, что на фронт призовут прежде всего людей с военным опытом, а мобилизованные обязательно пройдут дополнительную подготовку. В октябре стало известно, что некоторых солдат, не прошедших обучение, уже отправили на передовую. В видеообращениях выжившие жаловались на нехватку оружия, заградотряды и издевательства командования, которое бросало их на «мясные штурмы». Такие же видео записывали их матери, сестры и жены. Женщины пробовали и другие способы помочь своим близким: писали обращения в разные ведомства, ездили на приемы, осаждали воинские части и искали новобранцев на оккупированных территориях. Спустя год после начала мобилизации «Медиазона» рассказывает, как сложилась жизнь некоторых из тех, кто просил помощи у властей.

Выживших после удара по ПТУ в Макеевке солдат сразу бросили в бой, а затем решили расформировать их батальоны

Кому жаловались: губернатору, в военную прокуратуру.

Итог: военных на время вывели с фронта, а затем заставили извиняться на камеру.

Муж 58-летней Инны Усачевой[1] из Самары погиб в оккупированной Макеевке под Донецком, когда в ночь с 31 декабря на 1 января украинские войска нанесли удар из РСЗО *HIMARS* по зданию ПТУ. Там размещались мобилизованные первого батальона 1444-го полка из Самарской области. Военные каналы писали, что в ПТУ также находились боекомплект и дизельное топливо — при ракетном ударе здание взорвалось и загорелось. К концу апреля «Идель.Реалии» установили имена[2] 142 погибших в ту ночь военных, Минобороны России сообщило о гибели только 89 мобилизованных. В этом списке и супруг Усачевой.

«Мой пошел сам, — вспоминает она. — Собрал все свои дипломы по боевым искусствам, пришел в военкомат: "Я этих укропов переубиваю на хрен"».

Об ударе по зданию ПТУ в Макеевке Усачева узнала вскоре после случившегося, а еще несколько недель провела в полной неопределенности: «16 дней без сна и еды от слова совсем, все в телефонах, обзвон всех госпиталей, потому что их быстро раскидывали [по больницам], аж в Новосибирске потом пацанов находили. Мы не спали, и организм не просил ни сна, ни пищи — ничего не хотел».

Женщина вспоминает о «безобразном отношении» властей: все новогодние праздники военкомат в Самаре не работал, несмотря на случившееся, а военком Алексей Вдовин, по ее словам, «бегал» от

потерявших родных жен и матерей. Траур в области тогда так и не объявили.

В феврале жена одного из мобилизованных Ирина Коваль сообщила, что вскоре после удара по ПТУ Минобороны отправило выживших мобилизованных в новые атаки, «чем вынудило родственников объединится и с гневом ломится во все вышестоящие инстанции».

«Пацаны после Макеевки восемь дней собирали мальчишек там, на развалах, голыми руками в мешки собирали, — рассказывает Инна Усачева. — Сами контуженные, с поврежденной психикой. Где пальчик, где ушко, где носик — кусочки в мешки складывали. Им что, после этого реабилитацию какую-то? Нет, их в таком состоянии сразу на передовую кинули безо всего. Потому что до хрена знают. До хрена видели».

По словам родных, благодаря их жалобам губернатор Самарской области Дмитрий Азаров «вывел ребят из зоны СВО». Однако вскоре мобилизованные из первого батальона 1444-го полка записали видеообращение, в котором сообщили, что командование решило расформировать их батальон. «Им неинтересно, что мы слаженное подразделение, которое некоторые неприятные ситуации прошло полным составом и сблизилось, как семья», — сказал один из них.

Вскоре в соцсетях появилось видеообращение от второго и третьего батальонов 1444-го полка. Этих мобилизованных тоже разместили в Макеевке, но не в здании ПТУ, а в ДК «Холодная балка», и под ракетный

удар в новогоднюю ночь они не попали. 7 января ВСУ, по словам военных, ударили по ДК из РСЗО *HIMARS*. В здании тогда никого не было, но обеспечение «было утрачено практически на сто процентов». После этого батальоны без ведома мобилизованных тоже решили расформировать. Солдаты жаловались, что их перемещения никак не оформлены, и потребовали наказать командование за «безобразное отношение к личному составу».

«Я думаю, нас вышестоящие органы поймут, и поддержат, и примут необходимые меры», — сказал один из авторов обращения.

В итоге пожаловавшихся мобилизованных заставили на камеру извиниться перед сослуживцами и командованием, стоя на плацу. К месту съемки их привезли сотрудники военной полиции на автомобиле с отделением для задержанных. После записи двоих мобилизованных снова посадили в эту машину. Ирина Коваль, муж которой тоже был на фронте, писала, что «пацанов арестовали за дискредитацию армии РФ», но эта информация до сих пор не подтвердилась.

Несмотря на протесты, полк расформировали, а выживших в Макеевке без отпусков снова отправили на передовую, возмущается Инна Усачева. Не проявили участия власти и к вдовам — по ее словам, жены погибших сами собрали деньги, чтобы в конце марта установить крест возле уничтоженного здания ПТУ. «Запах там до сих пор стоит горелого мяса. Под плитами внутри все тлеет до сих пор, потому что там есть подвальные глубокие помещения», — утверждает она.

Усачева рассказывает, что некоторые женщины в Самарской области до сих пор продолжают ждать мужей, пропавших без вести после удара по ПТУ в Макеевке: «Сейчас уже через полгода можно признать погибшим. И [знакомая] говорит: "Нет, я не буду". Я говорю: "Маш, почему?". А она отвечает: "У меня тогда дети без отца останутся. Так у нас папка есть, мы его ждем". У нее двое ребятишек, один инвалид, ДЦП, в кресле. И в ней 45 килограмм». Сама Инна жалуется, что после многодневных поисков мужа у нее «сел левый надпочечник».

«Мы давно все не смотрим телевизор, потому что это невозможно слушать, зная правду, — добавляет она. — Ценности у всех поменялись. Мы теперь не знаем, как жить, потому что мы все были патриотами».

Несмотря на разочарование в действиях властей и горе от потери мужа из-за «косячества» военного командования, российского президента Усачева называет «мощнейшим». Она полагает, что «на высоком правительственном плане очень четко все со стратегией».

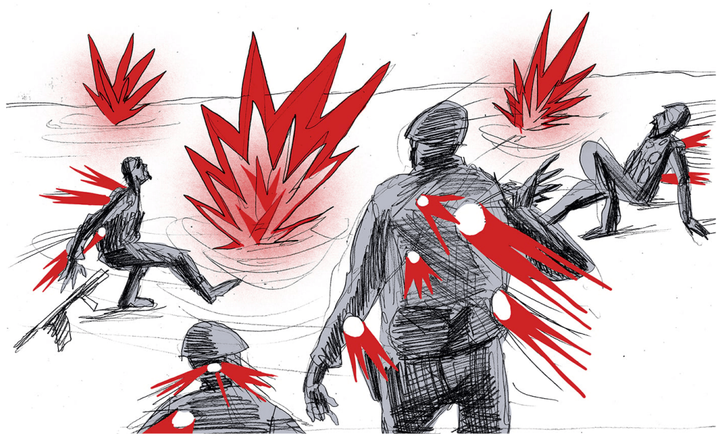

Иллюстрация: Джон Благодатский / Медиазона

Мобилизованных, отказавшихся идти в атаку, сажали в подвалы

Кому жаловались: в военную прокуратуру.

Итог: не дождавшись помощи, жены военных сами поехали в Луганскую область; позднее некоторых мобилизованных отвели с передовой, а их подразделения расформировали.

«Вчера мне звонит муж и говорит, что их будут судить за то, что они как бы отказались воевать», — рассказывала «Медиазоне» в октябре прошлого года Наиля Павлова[3] из подмосковного города Дмитров. Вместе с другими женами и матерями мобилизованных она обратилась в военную прокуратуру с просьбой помочь их родственникам; женщины рассказывали, что солдатам угрожали тюрьмой из-за отказа вернуться на штурм в районе Сватово. По их словам, командование бросило безоружных мобилизованных «в пекло» без подготовки и запугивало их трибуналом. «У них есть два варианта: либо тюрьма, либо на передовую», — подытожила Павлова.

Помощи властей Наиля не дождалась и в итоге сама отправилась на поиски мужа Василия, который «где-то в Сватово сидел в подвалах», рассказывает

«Медиазоне» знакомая семьи, пожелавшая сохранить анонимность.

«Наиля в числе других девушек, матерей и жен ездила, очень много металась, — объясняет она. — Поехала в Белгород и упала с верхней полки поезда. Через недели две в Дмитрове ощутила сильную боль в животе и отправилась в больницу. Ей удалили селезенку, которая, как оказалась, была отбита этим ударом в поезде. Она вообще не обратила внимания на это. Потому что: "Как? У меня муж сейчас погибнет, а я тут буду обращать внимание на такое"».

Сестра Наили писала, что она «проездила с женами и матерями парней все прокуратуры в Москве» и направлялась в прокуратуру Луганска, когда получила травму селезенки. В декабре 25-летней Наиле сделали[4] экстренную операцию,

но она не помогла: ей диагностировали абсцесс брюшной полости и кровоизлияние в желудок. Потеряв два литра крови, девушка пробыла в коме несколько дней, в конце января ее выписали домой. Вскоре Наиле снова стало плохо, и ее госпитализировали с кровотечением. У девушки случился геморрагический инсульт, врачи обнаружили у нее язву желудка, во время операции была остановка сердца. Наиля впала в кому, у нее начался сепсис, и в мае она умерла.

Мужа Наили Василия, по словам знакомой семьи, в итоге освободили из-под ареста и поручили работу водителя. Когда Наиля заболела, ему дали отпуск, он вернулся домой и, когда ухаживал за женой, тоже подорвал здоровье, рассказывает собеседница «Медиазоны». На фронт он пока не вернулся.

Спасти близких пытались и жены мобилизованных из Воронежской, Курской и Белгородской областей, которые самостоятельно поехали искать своих мужчин на оккупированные территории Украины. 7 ноября их мужей отправили на передовую, они попали под сильный артиллерийский обстрел и, неся потери, отступили. По рассказам женщин, командование издевалось над выжившими: солдат связывали, били и обвиняли в дезертирстве. Кроме того, по их словам, новобранцы были прикреплены к «несуществующей» воинской части.

Когда женщины приехали в Валуйки Белгородской области, один из представителей воинской части попросил передать ему списки мобилизованных и пообещал помочь найти их, но так ничего и не сделал. Тогда жены мобилизованных решили отправиться в Старобельск Луганской области.

«Мы их не бросим. Мы поедем за ними. Мы будем стоять рядом с ними. Надо будет, значит, возьмем оружие и будем вместе с ними сражаться против всех», — говорила жена мобилизованного Светлана Горбатенко, беременная тогда третьим ребенком.

Женщины нашли мужей, но их опередила военная полиция. «Ребята все в шоке, постаревшие на много лет, появилась седина и полное разочарование и

недоверие в глазах. Сейчас их могут обозначить дезертирами», — писала Горбатенко 10 ноября. Она требовала наказать командование, не раскидывать мобилизованных по разным подразделениям, а также обеспечить солдатам психологическую помощь.

«Сирена» со ссылкой на родственниц мобилизованных сообщила, что в итоге некоторых военных все же вернули в часть в Валуйках для разбирательств, хотя как минимум одна рота осталась на передовой. Их жены планировали поехать в Москву и добиваться встречи с чиновниками Минобороны.

Спустя почти год после этих событий Горбатенко общаться с журналистами отказывается. «Я не могу сейчас ничего об этом говорить. Не та ситуация, чтобы сейчас все это рассказывать. Потом — может быть», — отмечает она.

Екатерина Воробьева[5], рассказавшая в видеообращении об издевательствах над курскими мобилизованными, в разговоре с «Медиазоной» сообщила, что в итоге их расформировали по другим подразделениям: «Их сажали в какой-то изолятор, как тюрьма. Они сидели там трое суток перед тем, как их расформировали. Как они объяснили, приехали туда люди и каждого забирали — сколько человек нужно в какое-то подразделение, столько забрали. Вместе никто там не остался».

Жена мобилизованного из Курской области Анастасия Дутова, которая участвовала в записи видеообращения вместе с Воробьевой, отмечает, что их попытки помочь родственникам «вообще никак» не повлияли на их положение: «Они сейчас

кто где, я не знаю». При этом, по ее словам, обвинять отступивших с фронта мобилизованных в дезертирстве в итоге не стали.

«[В соцсетях] пытались выставить, что мы хохлушки, пытались нас осуждать и говорить, что это все выдуманная история, — вспоминает Воробьева. — Наш вопрос никак не решался, в прокуратуре нам ответы прислали "отклонено", и ничего нам толкового никто не говорил. Ответа оттуда я так и не дождалась».

Безоружных солдат, не прошедших обучение, отправили на передовую

Кому жаловались: президенту, губернатору.

Итог: военные отказались идти в бой, и их отвели с передовой; некоторые родственники считают, что власти прислушались к их просьбам.

«Они не были даже двух недель на учениях. Их отправили потом куда-то в Луганскую область на передовую. Сейчас оттуда везут трупы. Нам отзваниваются наши родные и говорят, что тут куча трупов. Их кидают на передовую, — говорит женщина на видео, срываясь на крик. — Отступать у них нет возможности, потому что свои же их будут расстреливать!». Другие женщины ее поддерживают: «Половина убитых, половина раненых. Мы не знаем, что делать». «Спасите наших мужчин», — призывали женщины, добавляя, что «у них там» в Украине «самая современная техника, а у нас ничего».

Это видеообращение 7 ноября записали родственницы мобилизованных из Курской области. Тогда же, в ноябре, женщины разделились на две группы: одни отправились искать мужей на оккупированной территории Украины, а другие пытались добиться встречи с губернатором — и им это удалось. «Пообщался с женами и матерями, — сообщил по итогам беседы Роман Старовойт. — Разделяю их боль и беспокойство. Все, что в моих силах, сделаю, окажу максимальную поддержку через Минобороны».

Родственницы военных, побывавшие у губернатора, в разговоре с «Медиазоной» уверяют, что их протесты помогли улучшить положение мобилизованных.

«Через пару дней после публикации [видеообращения] он вышел на связь и сказал, что их переместили на другое место, в более безопасную точку, — говорит 20-летняя Кристина Робакидзе, у которой мобилизовали мужа. — То есть они в принципе в безопасности. Да, они по-прежнему ходят на передок, но уже более-менее у них есть оружие, привозят еду. Все есть, чтобы, блин, не волноваться, так скажем, за них. А до этого им оружия не хотели давать».

По мнению девушки, власти «испугались», что все узнают, как на фронте обращаются с мобилизованными, и решили пойти навстречу.

Жена другого мобилизованного Ксения Брагинец не уверена, что губернатор вообще разбирался в ситуации: «Там больше не государство помогло,

больше сами ребята себе помогли. Они просто отказались идти на перед, и все, и их отвели».

То, что власти «прислушались» к обращению, считает и героиня одного из первых коллективных видеообращений Елена Баулина из города Фокино Брянской области. 15 октября она и другие женщины обратились к президенту и рассказали, что мобилизованных отправили на передовую без подготовки, а командиры отбирали у новобранцев личные вещи и угрожали уголовными делами из-за нежелания «быть пушечным мясом».

«Они идут и не знают, куда их бросят, — едва не плача, говорила на видео 62-летняя Баулина. — Мой ребенок получил повестку. Сказал: "Я, мама, пойду, мне надо вас защищать". А в результате получается, что их кинули».

Участвовавшая в записи обращения Ирина Теренькова, у которой мобилизовали мужа, в разговоре с «Медиазоной» отмечает, что жалоба семей мобилизованных в итоге ни на что не повлияла, «и результата не было». Елена Баулина с ней не согласна — по ее словам, положение ее мобилизованного сына «улучшилось, хоть и не настолько, насколько бы хотелось, но все-таки обратили внимание на проблему».

Ее сын, 25-летний Василий Баулин, утверждает, что ничего не знал о видеообращении, в котором участвовала его мать, вплоть до декабря. Он признает, что родственники «не зря так переживали», хотя сейчас, по его словам, трудности «уже в прошлом». «[Командиры] даже нам ничего про это не сказали. Да

по факту слишком много было таких видео записано. И то, что наша семья так решила сделать, это их был выбор. Они переживали, что нам может за это влететь. Но все обошлось. Там не до этого было», — уточнил он.

Василий подтверждает, что мобилизованных отправили на первую линию примерно после недели обучения. «Мы еще когда были на обучении, там набирали добровольцев, кто хочет поехать [на передовую]. Мы с ребятами поговорили. А что, говорю, будем сидеть? Все равно это неизбежно, рано или поздно, говорю, все равно туда попадем. У нас было тогда 11 человек, мы добровольно все пошли», — утверждает Баулин, добавляя, что «поначалу было страшно, а потом как-то уже привыкли». «Узнали, где противник, где мы, где наши стоят, — вспоминает он. — Потом уже начался быт, блиндажи, окопы и все вот это вот».

Баулин добавил, что только с отпусками «было напряжно»: «В апреле ушли 100 человек, а вернулось где-то 23 или 24 человека. Нет, [они не дезертировали], кто-то по больнице, ВВК начал проходить, у кого-то были проблемы со зрением, с сердцем, кто-то другие способы нашел, и оставались дома».

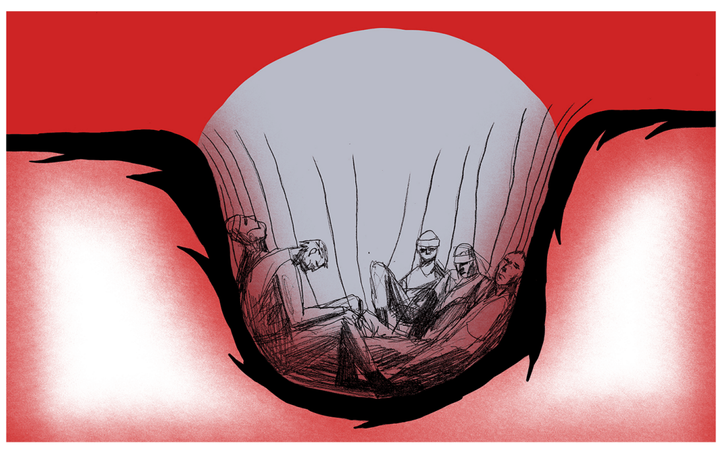

Иллюстрация: Джон Благодатский / Медиазона

Пропавших без вести никто не ищет, а Минобороны присылает отписки

Кому жаловались: президенту, уполномоченному по правам человека, губернатору, в военную прокуратуру и СК.

Итог: власти перенаправляют жалобы в Минобороны и предлагают признать пропавших погибшими.

«Мы живем в собственном доме и держим хозяйство. В связи с этими событиями я вообще ничего не делаю дома. Была весна, Андрей пропал, в огород я не ходила, картошку не садила, ничего не делала. Все делал муж, но как он делал, так... Мне до сих пор все равно, что там будет с этим огородом. Ничего мне не надо», — говорит 36-летняя Юлия Абрамова из Иркутска. Из-за неоперабельной опухоли в мозгу несколько лет назад ей присвоили третью группу инвалидности. Уже больше полугода Юлия разыскивает своего 26-летнего брата Андрея Писарева, пропавшего на фронте.

Бывший инспектор по безопасности в ГУФСИН Писарев уволился со службы незадолго до мобилизации, и его призвали. Он попал в 1435-й полк, был прикреплен к 90-й танковой дивизии и, по словам сестры, воевал в районе Кременной Луганской области. Последний раз они созванивались в конце февраля: «Я ему сказала: "Когда в отпуск?". А он мне сказал: "Какой отпуск? Тут либо груз 200, либо до конца"».

Когда брат перестал отвечать на звонки, Юлия Абрамова забеспокоилась. Она писала

уполномоченному по правам человека в Иркутской области, губернатору, местному провоенному депутату Якову Миндрулеву, в военную гарнизонную прокуратуру, Следственный комитет и приемную президента: «Все перенаправляется в Минобороны, а оттуда просто тишина, и все».

О смерти Андрея Писарева Юлии в итоге рассказал сослуживец брата. «Он говорит: "Прилетела граната, Андрей ее выбросил, прилетела вторая граната. Андрей наклонился, не успел ее выбросить, закрыл собой троих пацанов. Мы не могли его забрать, уходили от обстрела", — пересказывает слова военного Юлия. — Я говорю: "Если он на гранате взорвался, тогда там от него что-то осталось?". Он сказал: "Да. У него были ранения в область шеи, двух ног и паха. Он сидел, держался за живот, кричал, потом замолчал. Мы уходили, не могли его забрать"».

По словам сослуживца Писарева, спустя два-три дня после гибели Андрея они исследовали это место с помощью квадрокоптера, но тела в окопе не было. «Я думаю, что в такой панике, они ведь не медики, они как могли установить, что он погиб? — делится сомнениями Юлия. — Он мог потерять сознание от боли. Так как там везде была украинская сторона, они могли его забрать. Я верю Богу и знаю, что мой Андрей живой».

Своего мужа разыскивает и Алена Ивантатова из Красноярска. Сергей служил в 1439-м полку. В январе — марте его сослуживцы записали как минимум четыре видеообращения с жалобами на командование Первой Славянской бригады ДНР. Военные рассказывали, что их «изначально подготавливали

как тероборону, а закинули в штурмовую группу», несмотря на хронические заболевания. Мужчины утверждали, что командование отправляет их «на убой», заставляет штурмовать Авдеевский укрепрайон и стреляет по отказавшимся идти в атаку. Родственницы мобилизованных в марте говорили, что их «мужчины несколько дней без еды, без воды, с одними автоматами, выживают под постоянными обстрелами противника».

Сергей Ивантатов тоже был прикомандирован к Первой Славянской бригаде ДНР и находился на оккупированной территории с конца декабря. На передовую их роту отправили не сразу.

«Парни все покупали там машины, снимали жилье, потому что когда их туда привезли изначально, их просто кинули в заброшенную школу, где нет ни света, ни окон, ничего, — говорит Алена. — Снимали дом, где было десять комнат, с каждой комнаты по 10 тысяч. Баня была платно, все платно. Они ездили в баню, брали пиво, и под этим делом он уже рассказывал, что все устали, все хотят домой». В разговорах с женой Сергей на командование особо не жаловался, но один раз назвал командиров из ДНР «гондонами».

Ивантатов пропал в начале марта, после первого же боя в районе поселка Водяное Донецкой области. Его жена, как и Юлия Абрамова из Иркутска, начала отправлять обращения в разные ведомства — и с тем же результатом.

«В любом случае мы будем ждать до последнего, — говорит Ивантатова. — И признавать погибшим мы

не будем, как некоторые это уже начали делать». По ее мнению, многие соглашаются признать родных погибшими только ради выплат.

Абрамова продолжает писать в разные ведомства и тоже не теряет надежды: «Они мне предлагают просто признать его погибшим, и все. В смысле погибшим? Ну, предоставьте тело. Но этого они сделать не могут. Поэтому нет, никакие деньги не нужны, мне нужен он».

При участии Аллы Константиновой, Димы Швеца

Редактор: Мария Климова

---

1. Имя изменено.

2. Родственники разыскивают еще как минимум 18 мобилизованных.

3. Имя изменено.

4. Подробности приведены по публикациям на страницах Наили и ее родственников.

5. Фамилия изменена по просьбе собеседницы «Медиазоны».